

УДК 571.53

Он с каждым днем неумолимо отдаляется от нас, и все же – интенсивно приобщаемся к нему

Н. С. Коноплёв

Иркутский государственный университет

Аннотация. Предложено научно-методологическое освещение вклада доктора физико-математических наук, профессора О. В. Васильева в развитие традиций университетского математического образования. Выражен личностный аспект этого незаурядного представителя российской духовности.

Ключевые слова: университетское образование и наука, отечественная культура.

1. Жизненный расклад профессора О. В. Васильева

Намечены «краткие» штрихи к портрету незаурядного иркутянина, выпускника Иркутского государственного университета (ИГУ) – Олега Владимировича Васильева (1.11.1939 – 24.10.2002), имевшего звания доктора физ.-мат. наук, профессора, член-корреспондента Российской Академии естественных наук, заслуженного деятеля науки и техники РФ и руководившего математическим факультетом, позднее – при активном участии этого маститого ученого – трансформировавшимся в институт математики, экономики и информатики ИГУ (1999), а также кафедрой методов оптимизации в названном институте. О. В. Васильев – крупный специалист в сфере прикладной математики, в теории и методах оптимального управления. Он стал основателем и лидером Иркутской научной школы по оптимизации, «автором целой серии выдающихся научных результатов, которые отражены в пяти монографиях и 130 публикациях» (В. А. Срочко). Среди учеников О. В. Васильева 4 доктора и 15 кандидатов наук. Как человек О. В. Васильев выразил свое (обусловленное принципами общественно воспроизводимого равенства) время с его устремленностью к прогрессу, поисками социально защищаемых ценностных ориентаций, благодаря чему приоткрывается «аутентичный смысл жизни». Приоритеты его (т. е.

общечеловечески воспроизводимого и неизбежно классово заостряемого смысла жизни) владели всем существом «возвышенного идеалиста» (упоминаемый возвышенный идеализм О. В. Васильева свидетельствует о нем как отважном патриоте Малой Родины – в какие бы «Европы» ни приглашали профессора, он всегда оставался «байкальским небожителем»), формировавшегося под непосредственным воздействием как «отчаянного сциентизма», так и не менее обаятельных «гуманитарных интенций» (образно говоря – на пересечении «физики» и «лирики»). Последние составили фокус предлагаемого повествования, приобщающего нас к «делам и дням» неумного созидателя (надломившейся) эры социализма...

2. Старший Васильев – организатор Иркутской школы математики

Олег Владимирович Васильев сидел в коридоре вузовской поликлиники № 3, что по улице Сухэ-Батора (центр г. Иркутска), вместе с отцом своим Владимиром Владимировичем (которого он сопровождал на прием к врачу). Старший Васильев (1907 – 1988) тоскливо и выразительно взглянул на меня, проходившего мимо. Я благорасположенно кивнул головой, и пожилой профессор ответил незаметным поклоном. Его сын поприветствовал меня пожатием руки, и слабая улыбка скользнула по лицу Олега Владимировича... Было это далекими семидесятыми годами минувшего столетия, когда ИГУ им. А. А. Жданова крепился несгибаемыми ветеранами – философом Л. А. Петровым, физиком-экспериментатором И. А. Парфиановичем, геологом П. И. Налетовым, биологом Л. Н. Могилевым, историком С. В. Шостаковичем и еще – математиком В. В. Васильевым (высоким, достаточно стройным, всегда приветливым и обходительным). Став основателем иркутской математической школы (а также деканом математического факультета ИГУ), В. В. Васильев приобщил к ней сына (деятельность которого преломилась, тем не менее, своим – индивидуализированным – почерком). Образовалась целая династия Васильевых, мощным интеллектом возводящая ИГУ на пьедестал духовного совершенства (см.: Известия Иркутского государственного университета. Специальный выпуск, посвященный 100-летию профессора В. В. Васильева. Сер. Математика. – 2007. – Т. 1. – 329 с.). Представитель этой школы доктор физ.-мат. наук, профессор Н. А. Сидоров сообщает: «В. В. Васильев всегда интересовался разными областями фундаментальной математики» (там же: С. 2). Дельное замечание! Оно служит показателем того, что основанная В. В. Васильевым иркутская школа математики направляла усилия на раскрытие «очертаний» математической реальности, представленной изменчивостью – ведущей стороной движения (дви-

жение же – единственный способ существования материи). Поскольку, однако, изменчивость менее всего сопряжена с «вещно засвидетельствованной» макроданностью, это затрудняет поиски объектно-предметной составляющей науки математики в ее бытийной аранжировке. Ведь математическая реальность, будучи связанной с существующим мироустройством (и воспроизводя его), как никакая другая подвержена виртуализации (т. е. нажиму «субъективного прессинга» с его иллюзорно-компенсаторным конструированием «отвлеченных перипетий сущего»), становясь набором активно действующих фикций.

3. Творческие искания В. В. Васильева

Научные интересы профессора В. В. Васильева, «снабженного» целетельной приобщенностью к различным видам художества (Владимир Владимирович прекрасно рисовал, выразительно пел «Утро туманное», «Гори, гори, моя звезда»... – у него был «романсно поставленный голос»), выводили стойкого адепта «математической разверстки» на широкий философско-методологический «репертуар» (союз науки и искусства – что видно по личности В. В. Васильева – довольно часто разрешается у его, этого союза, носителей «страстным любомудрием»). Было бы интересно под рассматриваемым углом зрения «разворошить» наследие «гармонично состоявшегося основоположника», ибо значительная часть созданного «пионером иркутского университетского престижа» занесена в разряд классики (см.: Там же). Желательно издание трудов большого ученого – с переводом их в интернет. Для меня, когда я замечал открытый взгляд этого мудрого человека, – для меня его взгляд нес обобщенно воссозданное внутреннее совершенство «ветерана судьбоносной эпохи» – высокое и прекрасное. Мысля языком математики, В. В. Васильев постигал истоки бытия (не зря мой учитель философии Л. А. Петров тепло отзывался о своем университетском коллеге – В. В. Васильеве, с которым его связывало «философское приятельство»). Таковым, надо полагать, сказался творческий потенциал «вершителя непреложных истин» – с его «неотмирной вовлеченностью в мир сей» (по простоте душевной, присущей возвышенным личностям, В. В. Васильев не гнался за учеными степенями, зато активно отслеживал так значимую для нынешнего динамично «разбегающегося» времени природу математического знания).

4. Человеческое измерение Васильева-младшего: его энергия притяжения

Десятилетия совместной (т. е. проводимой в одном помещении, где размещались руководимый Олегом Владимировичем математический факультет и наша кафедра диалектического и исторического материализма) работы с О. В. Васильевым – занятия со студентами-математиками входили в круг наших производственных обязанностей – сближали нас: мы часто общались – порою курьезно. ...Однажды на Первое мая всем повелели снести пишущие машинки в специально отведенную комнату на втором этаже занимаемого нами (первого /с него и начинался университет/) корпуса, где их заперли на ключ. Предполагалась – втолковали нам партфункционеры – возможная диверсия: праздничными днями оказавшиеся без присмотра машинки могли быть использованы тайными противниками Советской власти, которые на «клавишных инструментах» распечатали бы порочащие существующий строй листовки. ...Временно заведую теми днями (1980) кафедрой диалектического и исторического материализма, я отвечал за «пишущую технику». Взвалив его – «провоцирующее оборудование» – на грудь, с достоинством отнес в «служебку». То же проделал Олег Владимирович, одновременно со мною подойдя к месту назначения. Мы пошутили над «классовой бдительностью» «Серого Дома» (там «царствовал» Иркутский ОК КПСС, дававший всевозможные – одно из них и о тщательном сжоронении пишущих машинок – указания нижестоящим парторганам, включая партком ИГУ), посредством утаиваемого «оборудования» обеспечивавшего праздничное спокойствие «правлящей элите», «широкому обывателю» («деловито» именуемому «официозом» «рядовым советским тружеником»). – Да-а, – иронично произнес Олег Владимирович, – отбиваемся от «чуждых элементов». – Надо, – не то шутливо, не то всерьез ответил я, – они нас окружают. – (Так оно и случилось: распалась Сверхдержава, и – шутки в сторону.) Попутно отмечу, что, хотя Олег Владимирович совмещал заведование кафедрой и руководство факультетом (т. е. в сравнительно молодом возрасте став «значительным лицом»), он, встречая вас, охотно, а главное добродушно (как и его отец) произносил «здравствуйте». Помню ожидание троллейбуса на остановке «Художественный музей». Поодаль от нее – на другой стороне улицы им. Ленина – как бы выбрасывая одну ногу за другой вышагивает Олег Владимирович и – надо же! – кивает мне. ...Восхищаюсь интеллигентностью примечательного иркутянина, свободного от комплексов «незаменимого работника». Располагало в нем и то, что Олег Владимирович шел по жизни, скрепляемый «сердечной внешностью». Посмотришь, бывало, на этого едва ли не «двухметроворостого» великана – таким я воспринимал О. В. Васильева при встречах – и сживаешься с мыслью, что ты психологически защищен. Олег Владимирович

обладал энергией притяжения, и излучаемую им защищенность прежде всего испытывали студенты. Отдельных из них (разумеется, когда они получали дипломы об окончании ИГУ) Олег Владимирович «надеялся» аспирантурой. Впоследствии они выросли кандидатами, докторами физико-математических наук (В. А. Срочко, Н. В. Тарасенко, А. И. Тягюшкин /д. техн. н./, В. А. Дыхта, Л. Т. Ащепков, А. С. Стрекаловский, В. А. Терлецкий, А. В. Аргучинцев...). Складывалась, точнее – продолжалась школа О. В. Васильева. Лучше бы ее назвать школой Васильевых: старший Васильев, как выше мы заметили, заложил основы школы, младший – продолжил дело отца. О вкладе Владимира Владимировича мы попытались что-то сказать. Нас привлекает методологическая насыщенность исканий ученого, направленных на отсечение «виртуала» (тогдашними временами этот термин еще не был вхож в науку) от собственно математической реальности. Видно, что В. В. Васильев стоял на позициях «доброе, старого диалектического материализма», «разрешающего» ей (т. е. математической реальности) быть теоретико-познавательным посредником между человеком и миром и не воспринимать всерьез «солипсистских завихрений».

5. Эстафету отца принимает сын: становление теории оптимального управления – ядра школы О. В. Васильева (философско-методологический экскурс)

О. В. Васильев использует наработанную отцом методологию в обосновании условий, которым удовлетворяет оптимальное управление. Математика здесь приобретает прикладной характер, что видно по следующему шагу васильевских работ – поискам методов последовательного улучшения управления. О. В. Васильев и сотрудники этого неустанного законодателя «теоретико-управленческих норм» усовершенствовали методологию, придав ей особо значимый «отражательно-конструирующий резонанс». Это было нужно для того, чтобы, опредметившись оптимизированным управлением, математическая реальность стала «сосредоточенным» посредником между устойчивостью, в границах которой опредмеченность предстает результатами управления, и изменчивостью, по отношению к которой математическая реальность оказывается уподобленной фикции. Фиктивность математической реальности пусть приближенно, тем не менее содержательно «дублирует» изменчивость – ведущую, как мы уже указали, сторону движения. Математическая реальность как фиктивный конструкт позволяет математике «предметно сосредоточиться». Предметом математики – в первом приближении – выступают последовательно поглощаемые интеллектом как пиком человеческой духовности «бытийно-внебытийные» точки пересечения динамично настроенной изменчивости, то и дело

освобождающейся от противоречиво (т. е. диалектически) соседствующей с ней «навязчивой устойчивости». Это обусловлено тем, что сопровождающий изменчивость инфомассив противопоставлен ей (т. е. устойчивости). Выступая «местом встречи» между устойчивостью и изменчивостью, он – согласно своей природе – может быть уподоблен математической реальности. Уточняя содержание объекта и предмета математики, полагаем: объект математики – изменчивость как ведущая сторона движения (это, по нашему мнению, обеспечивает «абсолютную применимость» сей загадочной науки), предмет – инфомассив, выступающий «связующим звеном» в отношениях между изменчивостью и устойчивостью (ведь информация, как мы помним, – это сопровождающий изменчивость результат ее «самодеятельности», и информацию не следует отождествлять с изменчивостью; в отличие от устойчивости и изменчивости информация – сторона отражения как универсального свойства материальной действительности, обуславливающего диалектическую соотносимость устойчивости и изменчивости, без которой /т. е. без отмечаемой соотносимости/ движение, «поглощаемое небытием», попросту «утрачивается»; однако при таком подходе мы непозволительно разводим объект и предмет науки математики, и хорошо бы если это разведение получало диалектическую апробацию, не страдая «тушиковой дурнобесконечностью»). Теория особых управлений – ядро созданной О. В. Васильевым математической школы – служит важным подспорьем в методологическом обеспечении актуальной философской тематики, отдельные стороны которой нами затронуты. Сегодняшняя наука, обретая гуманитаризированный «накат», все более – как это ни покажется странным – антропоморфизируется. Так, утверждение о том, что при движении тела со скоростью, близкой к скорости света, время, вроде, растворяется, вызывает встречную реплику: – Разговоры о «затухании» времени не более чем метафора, поскольку время является принадлежностью субъекта и служит способом переживания (объективно схватываемой) изменчивости. – Научная деятельность «Иркутского Золотого Самородка» также двигалась в направлении очеловечивания науки перед этапом «одарения» ею человечества ноосферной формой движения материи, чем – полагаем – промерена новизна школы Васильевых (повторимся, уважаемый читатель: Васильевых двое: отец и сын, но школа – одна, и ее интерпретация – на совести репортера).

6. Семейное благополучие Олега Владимировича и отстаивание им жизненных принципов

А как он беспокоился о своих родных! Горячо любимого отца, как Вы помните, непременно сопровождал к врачам, оберегал от жизненных невзгод. Матушку свою, Нину Константиновну, которая также препода-

вала математику в ИГУ, нежно любил сыновней любовью. Старейший Владимир Владимирович сердечно радовался за сына, который не только пошел по его стопам, но и жену свою – Галину Викторовну – (Олег Владимирович) увлек в том же – научно-математическом – направлении (ныне Г. В. Васильева – кандидат физ.-мат. наук, опытный доцент, классный специалист: проректор ИГУ). Дочь супругов Васильевых-младших, Ольга, высокая и стройная, как родители, стала крупным математиком. Вместе с семьей обустроилась Латинской Америкой; профессор, занимает видное положение в научном сообществе – развивает школу Васильевых на Западе. Когда-то на нашей кафедре Ольга сдавала кандидатский экзамен по философии. А в это время здесь же, коридором второго этажа, вышагивал Олег Владимирович: переживал за дочь. Лица на нем не было. И мгновенно переменялось выражение любящего отца, когда узнал об успехе... Такова заманчивая непосредственность «взрослого ребенка». ...В 1980 г. состоялся партийно-хозяйственный актив ИГУ в зале Кировского райкома КПСС г. Иркутска (ул. Марата, 14). Собралось до двухсот делегатов, с затаенным дыханием внимавших секретарю ОК КПСС по идеологии Евстафию Никитичу Антипину. У него были зачесанные назад длинные темные волосы, изящные манеры и безотказно используемая партийная бескомпромиссность. Она подтвердилась 35-минутным пафосным выступлением. Первые пятнадцать минут ораторски поставленным голосом докладчик посвятил разносу кафедры диалектического и исторического материализма, которой, как было уже упомянуто, тогда руководил я. – Проходимцы, – с упоением гремел блюстителем партчистоты, – пробрались к руководству коллективом обществоведов, творят, что хотят, разбазаривают командировочный фонд. Пора пресечь безобразие! – завершил гневную филиппику «идеологический Столп». Конечно, озвученное «иерархом непререкаемых истин» прежде всего касалось Вашего покорного слуги. – Как он тебя, – с удовольствием бросил в мой адрес реплику старейший коммунист университета Михаил Степанович Вавилов, преподававший политэкономии и с увлечением гонявший шахматные партии (на втором курсе я все-таки обыграл опытного партнера, за что – без экзамена – получил «отлично» по политэкономии капитализма /1960/). ...Столько времени позади, и, вроде, смешно оправдываться. Однако и до сих пор уважаемый мною Евстафий Никитич был тогда сугубо не прав. Он, действуя запугивающими передержками, – шантажировал. Такие как Е. Н. Антипин, независимо от своей личной честности (которую вообще-то стоило бы поприветствовать), разлагали сознание интеллигенции («работягами» они не занимались; простому же люду до партийных верхов не было никакого дела), фактически «провоцируя» случившуюся девянностью годами XX в. «смену веков». После «избиения младенца» я подал на имя тогдашнего ректора ИГУ, внимательного и обходительного Юрия Павловича Козлова,

заявление об уходе с заведования кафедрой и «отбыл» в старшие научные сотрудники – с двухгодичной «отсидкой» в Ленинграде – первоклассном центре замечательной советской философии, способной уже тогда по-настоящему оценить угрожающую человечеству «глобальную динамо-неравновесность». Спасибо, Евстафий Никитич: благодаря, в частности, Вам я «вытянул» докторскую. ...После партийно отчеканенной риторики «громовержца» начались прения. Один за другим коммунисты поднимались на сцену и с трибуны – всё о наболевшем. ...Вот и Олег Владимирович (он также член КПСС) – среди красноречивых защитников справедливости. Обращаясь к присутствующим, он изредка склоняет голову в сторону президиума, где пребывает «Значительное Партийное Лицо». – Что происходит? – вопрошает декан математического факультета. – Нам здесь докладывают о малом количестве мозгов у обществоведов, но между тем квартиры профсоюз распределяет среди них. Математиков же, у которых с мозгами все в порядке, обеспечивают жилплощадью по остаточному принципу. Но отношение властей к нам должно быть таким же, как к гуманитариям... – Присутствующие в зале математики с воодушевлением воспринимают заявление лидера. И хотя я сижу словно на иголках от «партхозразноса», все же не могу не расхохотаться. Ай да Олег Васильев – как он бесцеремонно проутюжил страдающие слабоумием головы «идеологов» под видом критики «пресловутых обществоведов»! Шутил ли он? Да нет, просто – вопреки всему и «перед белым светом» – Олег Владимирович выговорился начистоту. Помнил он и «оперу» (несложный «капустник», завезенный из МГУ им. М. В. Ломоносова на самодеятельную сцену «иркутского храма науки»), исполнявшуюся началом шестидесятых годов (XX в.) – расцвет студенческой поры одного из «программных зачинателей» (речь конечно же веду о молодом О. В. Васильеве) в скором времени заявившей о себе «университетской плеяды» естественников и гуманитариев – на физико-математическом факультете, где прозвучала «бескомпромиссно сакраментальная ариетта»: «Только физики соль, Остальные все ноль. А историк-филолог – дубина. Эй, дубинушка, ухнем...». Опираясь на столь беспрецедентную «поэтическую заявку», Олег Владимирович вполне резонно предполагал, что так оно и есть. Да что там Васильев! Мне самому было неловко за то, что я филолог. «Филолог» – это нечто внепредметно-эфемерное, он всегда служит обузой, и от него – никакой пользы. То ли дело физик, прокладывающий путь в Космос, и траекторию полета ему выверяет математик. ...Здесь я должен отметить, что Олег Владимирович своим раскованно-непосредственным поведением на сцене и как бы разнобойно – «невпопад» – складывающимися фразами суггестивно (т. е. стихийно – «бессознательно-осознанно» – организовываемым внушением) «манипулировал» аудиторией – стяжал аплодисменты. Так ненароком возглашала о себе природа талантливого

исполнителя «заявок массового слушателя». (Несколько прерываясь, совершу «пробежку» «заскобочной территорией». Бывало, сидишь на деканском совещании, и Олег Владимирович здесь же – вальяжно развалившись в кресле – рассуждает о делах своего института. Слушаешь, и создается впечатление, что целый университет – составная часть подразделения, руководимого «причудливым человеком нараспашку». А то вдруг смолчит, когда ожидаешь от него реплику, – и опять присутствующие поглощены «видением Олега». Знал ли об этом мэтр? Стоит обдумать.) ...Как бы то ни было, но под «суггестивным оборотом» Олега Владимировича «принципиальный идеолог», не сумев сориентироваться, предпочел «фигуру умолчания». Олег Владимирович, как мы уже видели, победоносно вернулся к своим... После этого случая во мне окрепло сознание того, что О. В. Васильев живет установками, свободными от тягостных перипетий повседневно, а партком ИГУ для него (т. е. для Олега Владимировича) – место, о котором не следует запинаться: ненужная инстанция. Тогдашний секретарь парткома П. П. Симонов не защищал «подопечных». И когда после неприятного для меня «прецедента» я захотел рассказать Павлу Петровичу, что на кафедре не всё так плохо и что деньги я не растрчивал на командировки – это все можно подтвердить документально, – партийный вожак замахал руками: – Иди, иди отсюда; тоже мне правдоискатель... – Однако безвредный и вызывающий жалость «партруководитель среднего звена», не «располагая» сколько-нибудь значительными заслугами, со временем тихо устранился... А тут и «вселенский развал» подоспел. Всесоюзно руководящий партийный товарищ – К. У. Черненко – на пленуме ЦК КПСС (1983) разнес Иркутскую область за слабую идеологию, и Евстафий Никитич – «основной политический просветитель Приангарья» – вынужден был «слинять» с поста третьего секретаря ОК КПСС: отбыл в Москву, где через какое-то время возглавил Иркутское землячество. Отрадно, что он не отказался от социалистической ориентации.

7. Развал страны – как это повлияло на маститого ученого?

Разруха в стране продолжалась. Однажды Олег Владимирович стоял у окна на третьем этаже административного корпуса ИГУ в ожидании приема у ректора – этажом ниже. – Может быть, – предложил я, – зайдем к нам на кафедру; это рядом. – Не стоит, – ответил грустный собеседник. Он поведал о том, что дочь отбыла за границу. – А что делать, – резонно заметил расстроенный отец, – если государству нет до нас никакого дела? – Да как же так, – опешил я, проникнувшись обнаженным одиночеством кочующего с этажа на этаж «Голиафа». ...Олег Владимирович спустился в приемную ректора. Я наедине с собой бор-

мотал об услышанном. Подсознанием «проплыл» М. Ю. Лермонтов: «Но в мире новом друг друга они не узнали». Зачем посетил Олег Владимирович ректора, сказать трудно. По-видимому, ему просто хотелось побеседовать, укрывшись от одиночества. С возрастом человек становится хрупким, и его пугает неминуемый безысход. Как я уже сказал, Олег Владимирович обладал зарядом суггестивности, охватывающим, к сожалению, и ее носителя. Применительно к О. В. Васильеву это, на мой взгляд, выражалось в том, что он чувствовал себя пленником самовнушения. Полагаю, Олег Владимирович заставил уверить себя в том, что, поскольку дела в стране никудашны, единственная дочь вправе самостоятельно постоять за себя – сделать соответствующий (связанный с эмиграцией) жизненный выбор. Ведь произнес же он обреченно: «Поскольку страна не может обеспечить нормальную жизнь своим гражданам, им проще расстаться с нею». Я долго – обмолвлюсь еще раз – не мог отойти от этих слов. Взять и отправить – даже с ее согласия – единственную дочь в заграничную безвестность – как же так, Олег Владимирович? Вспомните, как Вы переживали (вымеряя коридорную протяженность), когда Ваша дочь сдавала кандминимум. А потом – Вы радостно взволновались ее успехом. Ваша Ольга для Вас – непреходяще значима. И то, что Вы допустили ее отъезд за тридцать земель, очерчивает Вас контекстом Вашего, Олег Владимирович, душевного разлада, сердечного неблагополучия.

8. Феномен О. В. Васильева – против его упрощенного истолкования: «Взрослый ребенок» и отечественная культура

Запускаемую здесь «дымовую завесу» легко можно оспорить. Однако я не полемизирую, но констатирую свое видение «феномена Олега Владимировича». Такая многомерно-объемная личность как О. В. Васильев не подлежит упрощенному истолкованию, которое только снижает ее, делает приближенной к «всему» (Ф. М. Достоевский). Наоборот, следует разобрать душевно-сердечную структуру О. В. Васильева, выявить динамику роста его интеллектуального тезауруса, характер реализации «себетождественной человечности» того, на ком держалось содружество математиков ИГУ – да только ли их! Будучи сибиряком (предок которого – немец голландского происхождения – оказался в Сибири вместе со ссыльным А. Н. Радищевым /см.: Там же. – С.5/), Олег Владимирович может быть раскрыт с позиций подминающей нас евразийской духовности (соответствуя которой человеческая /внерелигиозная/ вера на «весах духовности» паритетна рацию): прославленным ее «настоятелем» предстал обучавшийся одновременно с ним в университете грядущий классик мировой литературы В. Г. Распутин.

Поскольку ИГУ в то время был «заложником» одного помещения – бывшего института благородных девиц, что на берегу «многоводно-синееокой Ангары», – несомненно В. Г. Распутин и О. В. Васильев встречались друг с другом и, возможно, беседовали (это тем более очевидно, что Светлана /дочь известного поэта Ивана Ивановича Молчанова-Сибирского/, впоследствии ставшая женой Валентина Григорьевича, – училась вместе с Олегом Владимировичем). Допускаю и то, что автор историософского трактата «Сибирь, Сибирь...» списывал образ подлинного сибиряка с О. В. Васильева. Стоило бы за разъяснением обратиться к здравствующему «великому бессмертному» – но где там! Писатель «пронзен» такими глубинными прозрениями, что непосредственно «оттачиваемые» им образы складываются в некое синтетическое единство. Оно в художественном творении «замирает» «типически застолбленным обобщением». Попробуйте в персонажах В. Г. Распутина – теперь уже вне книги «Сибирь, Сибирь...», где если и «засвечен» образ О. В. Васильева, то без непосредственной связи с его носителем, – отыскать черты Олега Владимировича: интересное и поучительное занятие! Я, к примеру, нахожу, но это – моя тайна. ...Колоритная фигура Олега Владимировича – словно художественное создание (кстати припомним: много – особенно полуночными бдениями – осваивал блистательный «оператор счетного множества» беллетристкой стянутый «эстетический разворот»). Его походка – походка смотрящего «поверх барьеров» (Б. Л. Пастернак) – таила в себе нечто романтическое, а стало быть неотразимо уникальное. Неповторимость состояла в том, что когда Олег Владимирович «проплывал» мимо вас, то своей «объемной слаженностью» и слегка «абстрактным» внешним видом напоминал благороднейшего персонажа русской литературы – Илью Ильича Обломова. Обломов как «вариация» «русской лени» (на деле «Обломов» – ответ или, лучше сказать, реакция на «буржуазный вызов»; а «русская лень» Обломова преодолима «праведным делом» /которое – простим ему! – так и не совершает «Возвышенный Безработный»/ и оттого – никакая не лень: «Обломов» – светлый праздник в календаре отечественной словесности!) – торжество глубинных пластов «социального расклада великороссов». Вспоминая персонажей В. Г. Распутина, мы наблюдаем, как они воплощают своим поведением ту же, что у И. А. Гончарова (автора гениального романа «Обломов»), архаику в «современной транскрипции»; и О. В. Васильев – «незримое провидение» – «сопрягает» казалось бы таких несхожих «мастеров пера» как И. А. Гончаров и В. Г. Распутин. ...Олег Владимирович Васильев, раскрываясь теперь уже образной репрезентацией, выступает носителем чаяний российского народа. В них выражается наложение друг на друга трех временных пластов – прошлого, настоящего и будущего – с превалированием в нем (т. е. в данном наложении) того, что для нас отзывается вечностью. И – вот: полуулыбка профессора математики

непроизвольно замещается «улыбкой сфинкса» (если, конечно, нам позволительно «застать» его улыбающимся). Улавливается искомая вечность. Вы скажете: – Такое может быть с каждым. – Сомневаемся: не со всяким, но – с избранным. А что же такое – быть избранным? Это значит, что Вы оперируете состоянием неумолимой сопричастности ко всем трем – человечески прописанным – временным измерениям. ...Нет с нами Олега Владимировича – он в прошлом. Но каждый, кто его знал, апеллирует к нему, вскрывая прошлое «горячей линией»: «прошлое – настоящее – будущее». Всплывают «попутные» облики тех, к кому оказываемся мы предрасположенными; и мы варьируем ими, словно в калейдоскопе. Они меняются на наших глазах и выступают теми, кто обеспечивает каждого из нас вечностью – совокупностью времен, заостренных отлаженной перспективой. Ведь вечность – это и есть «свернутость» трех времен, оборачиваемых одновременностью, которая, однако, сосредоточена едва уловимым мигом. Его мы проживаем как пограничную ситуацию («пограничье» играет нами на «границе фолы»: между бытием и самоэлиминацией), обрушивающуюся на нас вселенским пожаром. Это придает нам силы, благодаря которым рассматриваемая вечность становится послушной. Из нее оформляются «обожженные морозом неподдельной свежести» любимые нами люди. «Вербуемые» ими обретаем жизненно актуальные, наделенные неумолкающей надеждой идеалы. Бросаясь в водоворот вселенских перемен (иногда нечаянно – помогите! – соскальзывая в него), ощущаем нужную нам близость с теми, кто наблюдает за нами из теперь уже неворотимого прошлого: приобщает каждого из нас к неразрывной связи времен. И Олег Владимирович Васильев, заостря своим «запредельным бытием» «памятный коллапс», с его участием поддерживает нас в корректировке «планиды» пока не слишком уютно «прорезаемого» будущего.

9. Вместо заключения: если не «живее всех живых» О. В. Васильев, то все равно он нами наделен «подлунной вечностью»

Когда-то великий поэт сказал об одном человеке, что Он – этот Человек – «живее всех живых». Смысл приводимого изречения, коль скоро мы применим его к излагаемой ситуации, по нашему убеждению, заключается в том, что люди, подобные Олегу Владимировичу Васильеву, исчезают, чтобы воплотиться «в пароходы, в строчки и в другие долгие дела» (парафраз из В. В. Маяковского). Возводя из указанного «жизненного оборудования» что-то похожее на «горный мир» в его «ноосферном прокручивании», мы наделяем – и в этом наша сила – ценных, пусть и безвременно ушедших от нас личностей «фактическим бессмертием». DIXI!

N. S. Konoplev

He is inexorably moving away from us day by day and nevertheless we are intensively associating with him

Abstract. The paper is concerned with scientific-methodical contribution of Vasiliev O. V., doctor of physics and mathematics, professor of Irkutsk State University, into traditions of university mathematical education. It deals with the personal aspect of this outstanding representative of Russian spiritual life.

Keywords: university education and science, national culture.

Коноплёв Николай Сергеевич, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии и религиоведения, Иркутский государственный университет, 664003, Иркутск, ул. К. Маркса, 1, тел.: (3952) 24-22-12, (konoplev@home.isu.ru).

Konoplev Nikolai, Irkutsk State University, 1, K. Marks St., Irkutsk, 664003, Phone: (3952) 24-22-12, (konoplev@home.isu.ru).